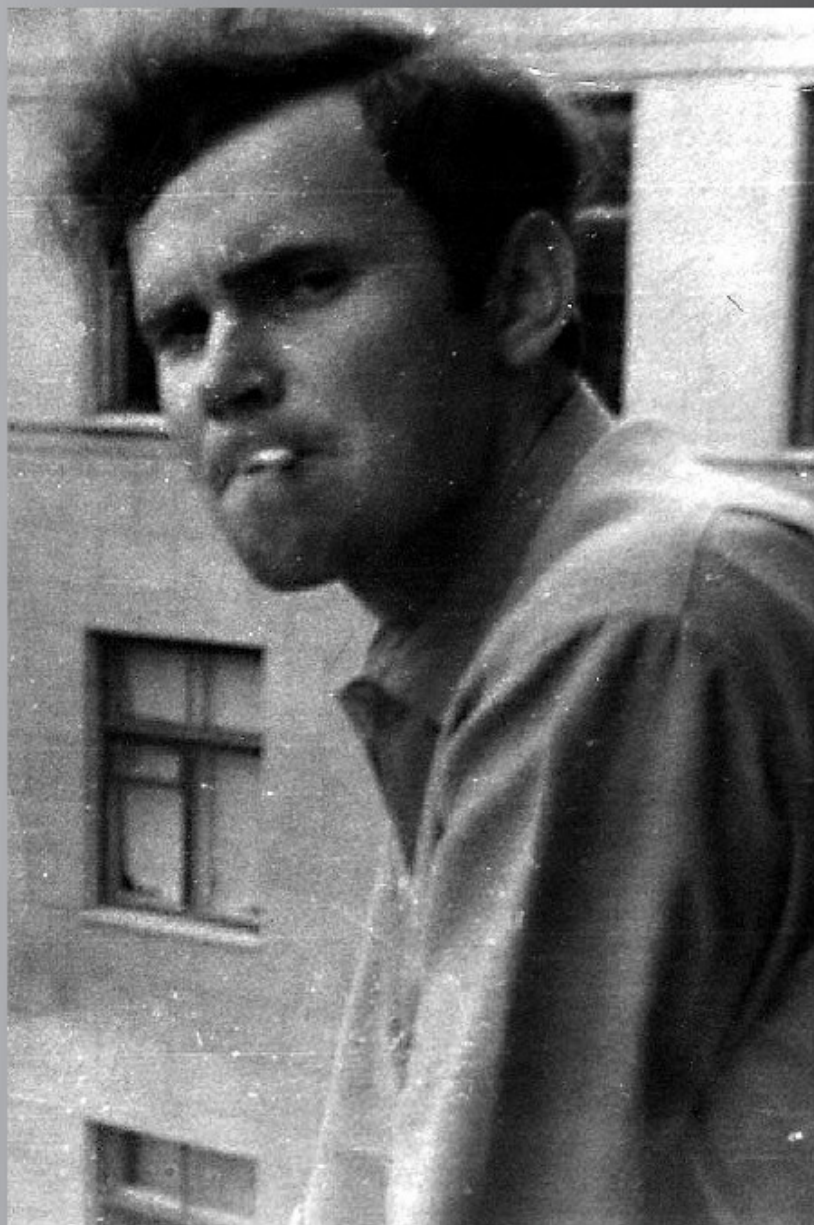

СУМРАЧНЫЙ КАПРИЗ

Евгений Головин
Песни

Евгений Головин
Сумрачный каприз. Песни

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Головин Е. В.

Сумрачный каприз. Песни / Е. В. Головин — «ЭННЕАГОН
ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-019-1

Альбом „Сумрачный каприз“ — настоящий подарок всем ценителям
Искусства. Утонченная эстетика поэзии Евгения Головина, запредельный
реализм графических работ Владимира Пятницкого погружают взыскующего
читателя в атмосферу романтической таинственности.

ISBN 978-5-91051-019-1

© Головин Е. В.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Любезный друг, читатель!	5
Песня – феномен культуры	7
Всадники	9
Тугуан Ту Пег	12
Марихуановый сон	13
Учитесь плавать	16
Голубой Эльдorado	17
Робинзон Крузо	20
Кони Йото	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Головин

Сумрачный Каприз. Песни

Любезный друг, читатель!

Предлагаемый сборник поэзии Головина Евгения Всеволодовича собран и согласован с автором исключительно в созвучии спонтанного каприза. Ни малейшего намека на претензию прослыть оригиналами среди всяческого рода „попсы“. Мы ориентируемся на мыслящего интеллектуала, взыскующего утонченного, нервического чтения и пения.

Рисунки художника Владимира Пятницкого, украсившие уникальную поэзию Эжена Головина, были подобраны с участием автора. Евгений Головин был знаком с Пятницким Владимиром в далекие 70-е годы прошлого столетия. Между двумя оригиналами возникла обоюдная симпатия, но, к сожалению, Пятницкий Владимир Павлович покинул этот мир давно – он умер в 1978 году, – и дружба, не успев расцвести, погасла. Однако интерес к творчеству гениального художника Пятницкого остался у Евгения Всеволодовича и поныне. А посему решено было ввести рисунки в поэзию, что весьма красноречиво говорит о многом.

Прилагаемый к сборнику аудиодиск с песнями – запись, сделанная лет тридцать назад при помощи обычного кассетного магнитофона на одной из кухонь, где при участии маэстро Эжена частенько происходили реальные алхимические мистерии. Дух этих песен и по сей день наполняет души слушателей живой энергией Вечности.

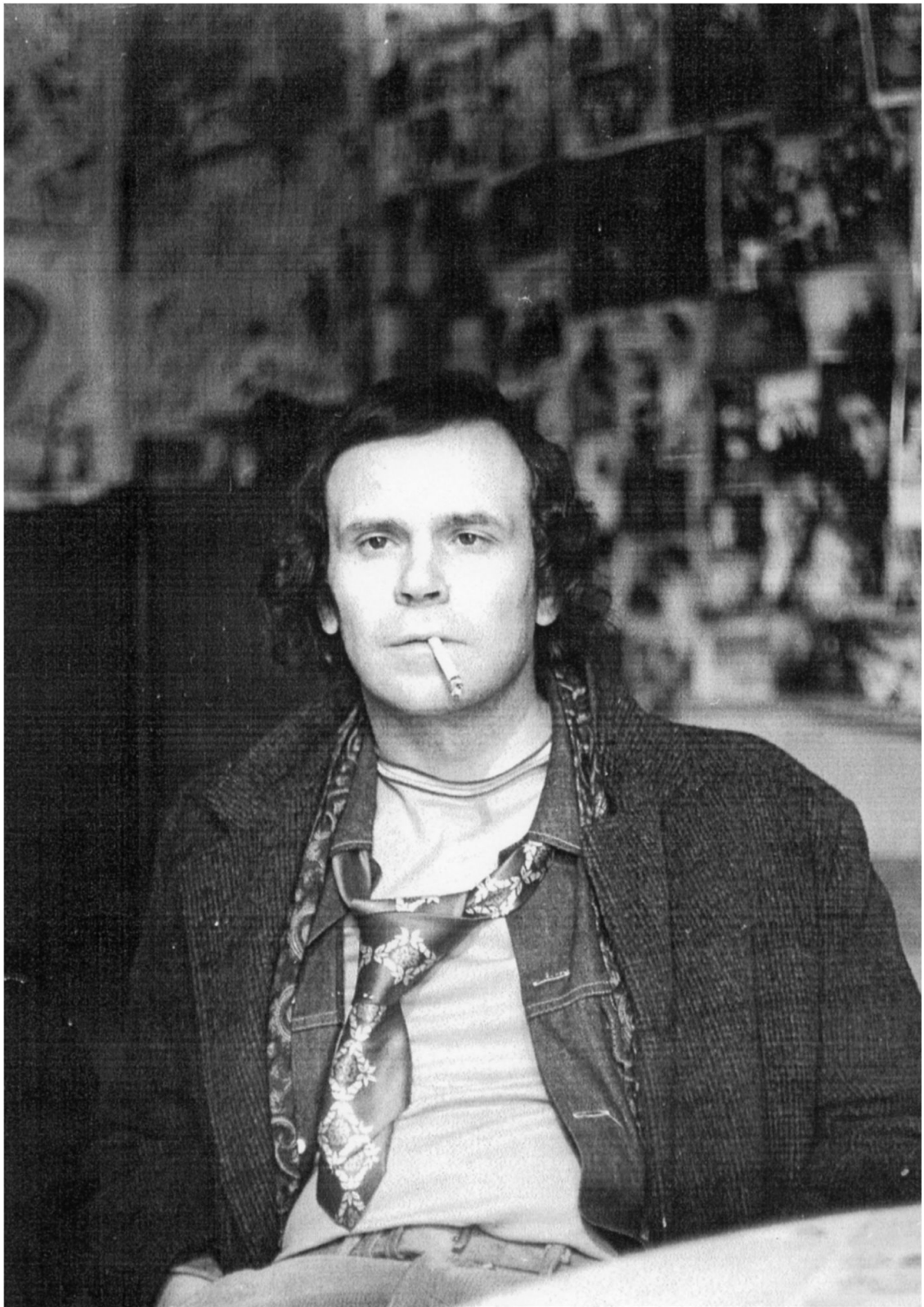
В сборник включены факсимильные записи поэзии Евгения Головина. Рукописи дают возможность взыскательному читателю приблизиться к автору, ощутить настрой его души. К тому же факсимиле повышают ценность любого печатного издания, что также немаловажно для обладателя данного сборника.

Фотографии, включенные в альбом „Сумрачный каприз“, выполнены фотохудожником Валентином Серовым в 1976 году. Евгений Головин, изображенный на этих фото, вполне гармоничен с содержанием альбома, а потому разница в тридцать лет малозначительна для автора, живущего и творящего в Безвремяе. Таков он есть и всегда пребудет с нами поэт и рапсод, философ, переводчик, в меру алхимик Евгений Головин.

Стихи, расцвеченные картинками, положенные на яркие мелодии, создали изысканный альбом, который вскоре станет раритетом.

А посему, драгоценный наш поклонник, мы с радостью и искренним доверием к вашему вкусу вверяем вам свои изыски в слове, музыке, рисунке, фото.

Автор, составитель, издатель и прочие участники данного сборника, мы предлагаем вам наш „Сумрачный каприз“.

Эжен Головин в гостях у Лорика на Библиотечной улице, в штабе Культурной революции 70-х годов прошлого столетия. 1976 год – расцвет личности и талантов уникального Головина Е. В.

Автор фото В. Серов

Песня – феномен культуры

С течением времени трещина между культурой и цивилизацией возрастает на глазах, что связано с технологическими и сословными переменами. Это не касается меня и Владимира Пятницкого: мы жили в тоталитарном государстве, где культура сводилась к пропаганде, то есть воспеванию всеобщего счастья, критике отдельных недостатков и презрению к врагам. Всеобщее счастье, отдельные недостатки и враги – недурные темы для анекдотов, карикатур и юмористических песен, единственные темы, которые власти предрержащие способны были глубоко понимать, – то жена подаст рваный шлепанец, то на обеденном столе окажется селедка вместо севрюги, то пьяный садовник свалится в канаву. В серьезном смысле Счастьем, Недостатками, Врагами занимались специально нанятые актеры, которым платили за розовые или черные декорации.

„Скучно жить на этом свете, господа“, – сказал Гоголь, и Советы удесятерили эффективность высказывания сего. Власти чувствовали себя неуютно из-за собственной внутренней грызни, но зачем-то экстраполировали эту неуютность на население, которое их знать не знало и не хотело. Народ жил по Сергею Есенину:

А Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать под забором.

Так называемому „культурному человеку“ всегда интересней смотреть на подобную пляску, нежели на профессиональных танцоров. Он задержит взгляд на мужике, что тащит под уздцы лошаденку с телегой из непролазной грязи, нежели на старте ракеты величиной с Эйфелеву башню. Так Моцарт у Пушкина остановился слушать слепого скрипача. Все несовершенное, гибельное, недосказанное привлекает его. Мармеладовское „а позвольте, молодой человек, обратиться к вам с разговором приличным“ приковало внимание Раскольниковова. Все, что задерживает, останавливает, приковывает внимание, является темой куплета, материалом песни. Босой человек в рваной одежке зимой, молчаливый пастух, который удаляется от коров, прилагает палец к носу и вещает: „А у меня есть секретные сведения для Брежнева“. – „Да он давно в могиле, отец“. – „Это хорошо, что в могиле. В могиле крепче будет“. Автокатастрофа двух толстяков с кривыми носами, сумасшедший, сбежавший из клиники, который просит у них бензина на опохмелку, канатоходец, растянувший канат меж двумя пивными и танцующий с двумя кружками, словом, странные личности из русского народа.

Культура не требует профессионализма, обучения „на народные деньги“, мастерства, гастролей, прочих признаков цивилизации. Когда афинский ремесленник (участник любительского спектакля) жалуется режиссеру (ткачу Основе), что у него роль льва не выучена, ткач Основа, махнув рукой, отвечает: „Да что там! Рычи, и все!“ (Шекспир. „Сон в летнюю ночь“.) Культуре необходимы наивность и непосредственность. Это меня сразу поразило в рисунках Владимира Пятницкого: то ясный и простой профиль русского молодца, то скопище монстров в нерешительности митинга, то группа парней с глупыми до гениальности мордами, в которых, однако, чувствуется некая осовелая нездешность. По некоторым рисункам создалось впечатление, что русский народ – расплавленная человеческая масса без определенных очертаний, битум, вар, тяжелая вода. Я задумал неудачную песню:

И в этих советских водах
На радость мне и тебе
Плывет триумфально и гордо
Айсберг К Г Б.

Неудачную, потому что КГБ сугубо государственная организация, песня обрела бы политическое звучание, стала бы чудовищем вроде сатиры или гимна. Глядя на иные, согнутые, как стулья, физиономии с рисунков Владимира Пятницкого, я представлял, как эти люди рассуждают, спускаются по эскалатору, ходят кататься на „чертово колесо“, какие песни поют. Решил: такой персонаж начинает бубнить песню с бритвы и кончает на следующем бритве. Нечто в таком роде:

Аккордеон себе я купил...л...л
Аккордеон себе я купил...л...л
Аккордеон себе я купил...л...л
И себе под кровать положил...л...л

В этой монотонной тупости я чувствовал „загадку русской души“. Как-то, зажатый в метро, смотрел на понурых, стиснутых вечной заботой пассажиров: один прижимал коленями рюкзак, из которого торчали рыбы хвосты, суетливая пара везла телевизор, деревенская баба в плюшевом жакете высоко подняла сетку, забитую электрическими лампочками. Песня возникла сама собой: „Вот перед нами лежит голубой Эльдorado...“ От неожиданности я громко рассмеялся. Откуда ни возьмись появился мент, козырнул: „Чему смеетесь? Документы...“

Однажды в серьезной компании беседовали о судьбах России. Скучно было донельзя, водка оставляла назойливый привкус трезвости. И вдруг слова – они поплыли по шторам, по стенам:

И задумчиво кружится
нарисованная птица,
Нарисованная птица на окне,
которого нет.

Никогда не знаешь – начало, середина или конец. Известно только, что песня будет, хочу я того или нет, завтра или через год. Как выражается нынешняя молодежь, иные слова „цепляют“... и правда, чувствуешь, словно проглотил наживку. В подобных случайностях – неожиданный подарок песни.

Проходя мимо книжного ларька, обратил внимание на красивый томик с таким названием: „Куклы мадам Мандилипп“ – это был американский научно-фантастический роман. Я его даже не стал раскрывать. Зачем? Название „Куклы мадам Мандилипп“ обещало песню беспокойную и зловещую, местами вкрадчивую. Можно перечислить десятки казусов – нелепых, непонятных, смешных, – рождающих песню.

Авторская песня – сомнительный жанр довольно деклассированных общественных слоев, точнее людей, не любящих себя утруждать рутинностью литературно-музыкального образования. Для субъектов, владеющих даром импровизации, этот жанр не представляет трудностей: броди себе по улицам и лесам, бубни себе под нос бесконечные куплеты, бацай по гитаре либо наяривай на гармошке. Но для нас, неумелых, необходим скромный багаж: надо знать три-четыре гитарных аккорда, обладать сносным музыкальным слухом, иметь в кармане огрызок карандаша и листок бумаги. При такой экипировке можно ходить по электричкам, посещать свадьбы и юбилеи. Не помешает также известная доля дерзости. Скажем так: а сейчас я спою вам малоизвестную песню Высоцкого (Окуджавы, Галича), слушая которую наш дорогой Фидель Кастро неизменно заливался слезами.

Евгений Головин

Всадники

Это было на исходе лета —
Начались обычные труды.
Голубую тишину рассвета
Окровавил грозный рев трубы.

Сотня всадников ползучей вереницей
Изукрасила изломы площадей.
Впереди неторопливо ехал рыцарь
С черным леопардом на щите.

Отовсюду сразу ринулись зеваки,
Будто пойман самый главный вор.
И машины, как покорные собаки,
Жадным взглядом облизали светофор.

И совсем обезумели светофоры,
И машины загнусили что есть сил,
И полезли люди в каменные норы
И решили, что конец их наступил.

И смотрели в опьяняющем испуге,
Как пришельцы уезжают с площадей,
Как горят багровым золотом кольчуги
И надменные глаза их лошадей.

Наконец они проехали все мимо,
На асфальтовой растаяли тропе...
«Очевидно, это съемки кинофильма!» —
Облегченно кто-то выкрикнул в толпе.

Тугуан Ту Пег

Тугуан Ту Пег, Тугуан Ту Пег —
Страна чужая,
Три тысячи лет, три тысячи рек
Тебя окружают.

Так далеко, так далеко,
Что не доехать —
Три тысячи лет с гор кувырком
Катится эхо.

Так далеко, так далеко
Даже карьером,
Лошадь – не то, поезд – не то,
Так далеко...

Я бы хотел свернуться в лассо
Цокнуть копытом,
Только б твое увидеть лицо,
Сьерра Чикита.

Я бы хотел спокойно смотреть
Из-под сомбреро
За горизонт, за горизонт
До нашей эры.

Тугуан Ту Пег, Тугуан Ту Пег —
Страна чужая,
Три тысячи рек, три тысячи лет
Тебя окружают.

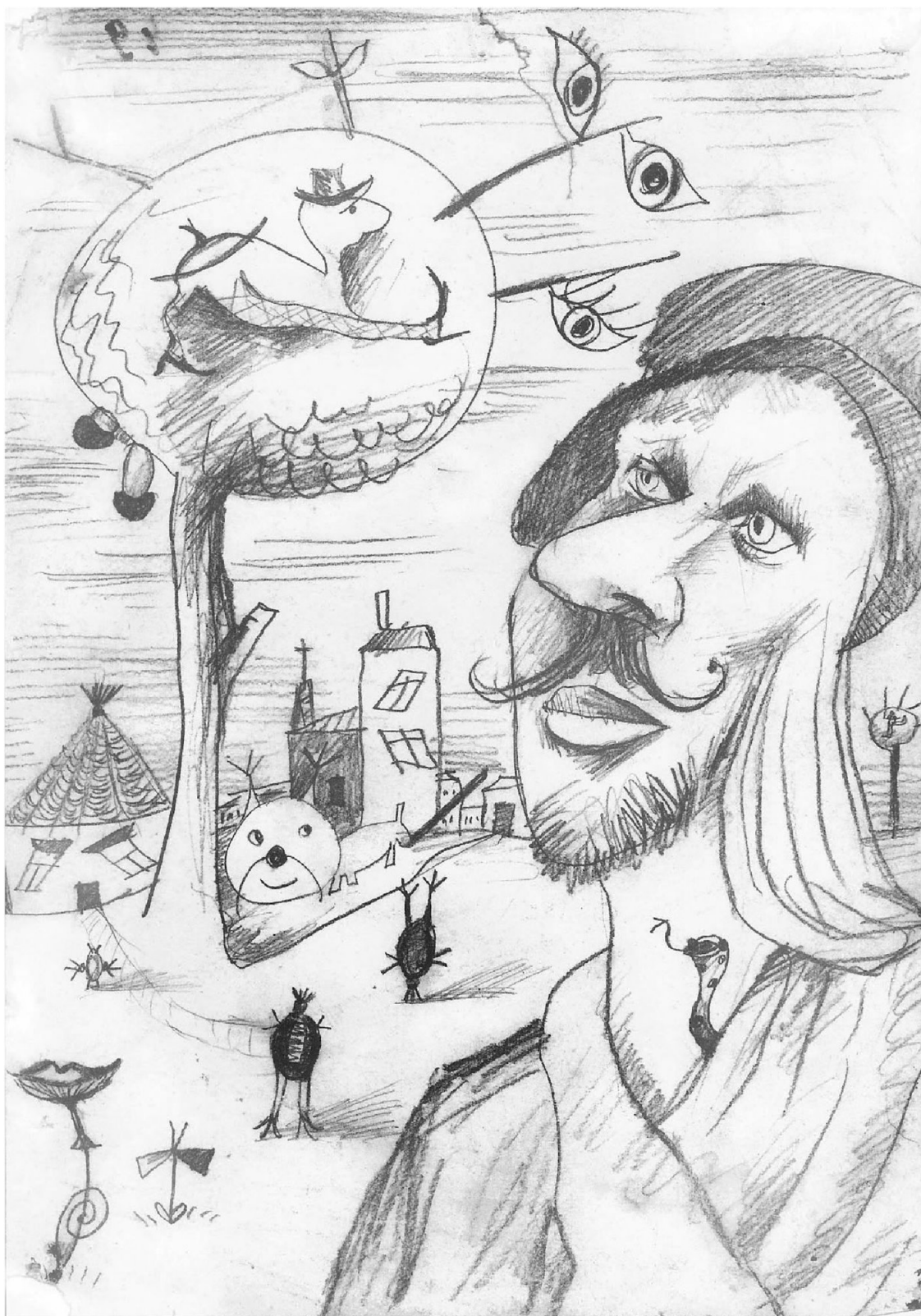
Марихуановый сон

Мы здесь ничего не узнаем
И наши пути все темнее:
В далеком Парагвае
Нам будут светить орхидеи.

И будут жестокие розы
Любить элегантных змей,
И будут рыдать альбатросы
На могилах своих королей.

Ах, в нашей наивной крови —
Полет инфернальных рыб,
Ах, наша песня любви —
В устах бородавчатых жаб...

Отдай прощальный поклон,
Направь свою каравеллу
В пьяную вечную сельву,
В марихуановый сон.

Евгений Головин и Владимир Иванович, друг поэта, в прекрасном расположении душевном и боевом настрое на выходе из штаба Лорика – Ларисы Пятницкой – следуют на поиски дальнейших приключений. Их было немало в 70-х годах.

Автор фото В. Серов

Учитесь плавать

Когда идете вперед, все время боитесь удара,
Когда в темноте – все время боитесь кошмара.
И как вам страшно оказаться на панели,
Особенно когда она лежит в постели.

И ваша нога должна чувствовать твердую почву,
И женщины вас отравляют бактериями ночи,
И рассуждая про полярную зимовку,
Вы удивляетесь, какой вы сильный-ловкий.

И ваша нога должна чувствовать точку опоры,
Иначе пойдут лагерь, дурдома, коридоры.
А если спиждят аппараты, книги, деньги,
Вы передохнете как жалкие калеки.

Сдыхать от маразма умеет любой,
Найдите воду, найдите прибой,
Поднимите руки, напрягите ноги —
Прыгайте вниз головой.

Учитесь плавать, учитесь плавать,
Учитесь водку пить из горла
И рано-рано из Мопассана
Читайте только рассказ «Орля».

И перед вами, как злая прихоть,
Взорвется знаний трухлявый гриб.
Учитесь плавать, учитесь прыгать
На перламутре летучих рыб.

Учитесь плавать, учитесь плавать
Не только всюду, но и везде.
Вода смывает земную копоть
И звезды только видны в воде.

Голубой Эльдorado

Вот перед нами лежит голубой Эльдorado.
И всего только надо опустить паруса...
Здесь наконец мы в блаженной истоме утонем,
Подставляя ладони золотому дождю!

Здесь можно петь и смеяться
И пальцы купать в жемчугах,
Можно гулять по бульварам
И сетью лукавых улыбок

Можно в девичьих глазах
Наловить перламутровых рыбок
И на базаре потом
Их по рублю продавать.

Черной жемчужиной солнце
Розовеет в лазурной воде.
Наши надежды сверкают
Роскошью этого юга.

В этой безумной любви
Мы конечно утопим друг друга
И будем вместе лежать
Как две морские звезды...

Робинзон Крузо

В бледных ладонях струится вода,
В бледных ладонях следы барракуд.
Хищно смеется морская звезда...
Робинзон Крузо на двадцать секунд...

Пять секунд пенистый след корабля,
Пять секунд виден коралловый грунт,
Пять секунд – Пятница, пять секунд я —
Робинзон Крузо на двадцать секунд...

Ходит по берегу черный двойник,
Свистит над плечами шелковый кнут...
Он живет годы, я живу миг —
Робинзон Крузо на двадцать секунд...

Нет у меня ни жены, ни детей,
Есть только хохота рыжая медь.
Сам себе остров, сам себе тень,
Сам себе парадоксальная смерть.

В пене шампанского строю дворец,
Плаваю в холоде темной луны —
Бледный вампир извращенных сердец,
Прыгаю в хохот кипящей волны...

А когда людоеды придут на песок,
Унесет меня шизофренический спрут:
Великолепен, красив и жесток
Робинзон Крузо на двадцать секунд...

Кони Йото

Кони Йото, старый шаман,
Внешне держится очень странно:
Он глотает морозный туман,
Как другие глотают сметану.

Кормит змеями свой костер
И играет в кости с лисой.
Держит в пальцах змеиный огонь
И по углям ходит босой.

Кони, Кони Йото
Кони, Кони Йото
Кони Йото —
Старый шаман.

Кони Йото примерный супруг,
И к нему ледяною ночью
Ходит женщина-паук
И его разрывает в клочья.

Кони Йото любит волков,
Потому что они наивны.
Кони Йото любит врагов,
Потому что они бессильны.

Кони Йото любит гулять
Со своим меховым пальто,
Кони Йото любит играть
С тем, чего не знает никто.

Кони, Кони Йото
Кони, Кони Йото
Кони Йото —
Старый шаман.

У него глаза везде,
Они жалятся, как осока,
И блестит у него в бороде
Розоватая детская соска.

Кони Йото любит носить
Ожерелье консервных банок.
Кони Йото любит шалить
И скулить, как малый ребенок.

И с тех пор, как вертится мир,
Кони Йото смотрит в туман,
Окровавленный, как рубин,
И безжалостный, как барабан.

Кони, Кони Йото
Кони, Кони Йото

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.